

Суровый хозяин дома решил избавиться от приبلудной дворняжки и ее потомства. Но один щенок чудом уцелел — человек не заметил его. Отважный рыжий щенок оказался один. Он переплыл через залив, очутился в большом портовом городе и пошел за первым человеком, от которого услышал доброе слово. Им оказался матрос с русского корабля...

В издание также вошли повести Льва Коконина («Стая») и Бориса Рябина («Нигер», «Яранг — Золотой Зуб»).

www.ksdbook.ru

ISBN 978-5-9910-3670-2

9 785991 036702

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-1439-2

9 786171 214392

ФЕДОР КНОРРЕ

СОЛЕННЫЙ ПЕС

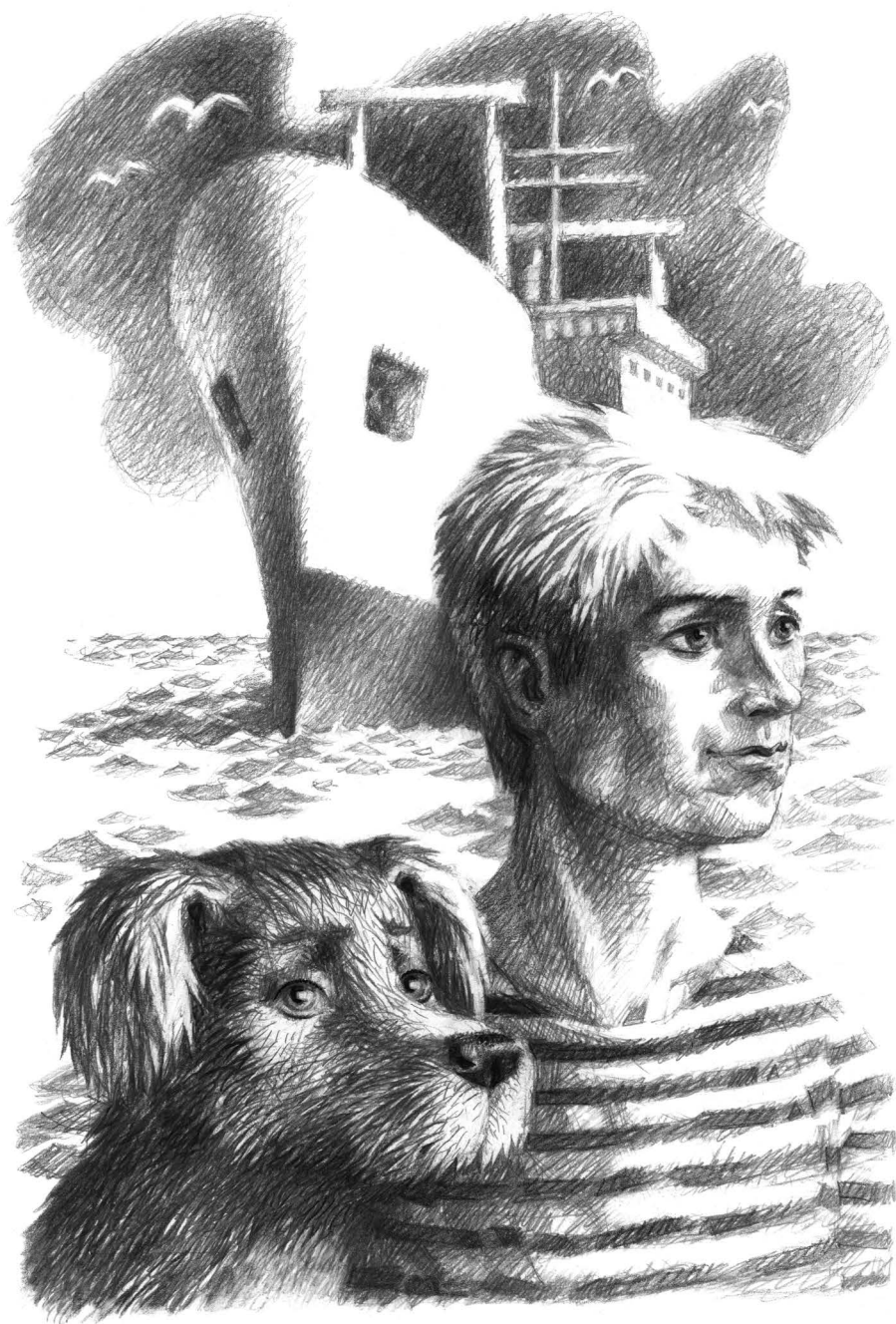
ФЕДОР КНОРРЕ СОЛЕННЫЙ ПЕС

ВЕРНЫЕ, ОТВАЖНЫЕ, СВОБОДНЫЕ

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

ВЕРНЫЕ, ОТВАЖНЫЕ, СВОБОДНЫЕ

ФЕДОР КНОРРЕ
СОЛЕННЫЙ ПЕС

Сборник

ХАРЬКОВ КЛУБ
БЕЛГОРОД СЕМЕЙНОГО
2016 ДОСУГА

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос)
С60

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Печатается по изданиям:

Кнорре Ф. Солёный пес / Федор Кнорре. — СПб. : Амфора, 2015.
Коконин Л. Стая / Лев Коконин. — СПб. : Амфора, 2010.
Рябинин Б. Рассказы о потерянном друге / Борис Рябинин / Под ред. С. В. Марченко. — Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1991.

Дизайнер обложки *Helga*

Серийное оформление корешков *Сергея Ткачева*

Иллюстрация на контртитule *Дмитрия Скляра*

Художник *Михаил Майофис*

ISBN 978-966-14-9367-3 (серия)
ISBN 978-617-12-1439-2 (Украина)
ISBN 978-5-9910-3670-2 (Россия)

- © Федор Кнорре, наследники, 2016
- © Лев Коконин, наследники, 2016
- © Борис Рябинин, наследники, 2016
- © Д. Е. Веселов, составление, 2016
- © DepositPhotos.com / yuragan78, обложка, 2016
- © Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2016
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2016
- © ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»», г. Белгород, 2016
- © АО «Букс Медиа Москва», 2016

ФЕДОР КНОРРЕ

Соленый пес

Характер у его матери был удивительно покладистый и уживчивый. Никто лучше ее не умел ладить с соседями-людьми и собаками. Разве только с кошками во дворе у нее разыгрывались иной раз шумные скандалы. Она была очень неглупая пожилая собака и умела дорожить своим скромным положением в жизни. Как никак у нее свой собственный дворик. Треснутая глиняная миска, всегда дочиста вылизанная ее языком. Конурка под крыльцом хозяйского дома. Роскошью это не назовешь, но в собачьей жизни и за это приходится держаться. Конечно, ей отлично было известно, что есть такие собаки, которые живут прямо в комнатах, водят за собой по улицам людей на прогулку или с глупым видом высовывают морды из окошек проезжающих автомобилей. С ними у нее не было ничего общего, она им не завидовала да и за собак настоящих не считала. С нее было довольно и того, что она не бродяжка какая-нибудь, не бездомная уличная попрошайка, а настоящая дворовая собака при своем деле: охраняет двор и свою миску, а заодно и хозяйский дом. Зимой ей приходилось порядочно померзнуть, особенно по ночам, когда ледяной ветер злобно вдувал

в каждую щелку ее конуры колючую струю, так что шевелилась шерсть на спине. Но здесь, на берегу теплого моря, зима продолжалась недолго, приходила мягкая, душистая весна и начиналось долгое лето, пыльное и знойное. И каждое лето повторялось одно и то же. На нее надвигалось событие, которое она предвидела, каждый раз задолго с ужасом чувствовала его приближение и каждый раз пыталась бороться, напрягая всю свою сообразительность и хитрость. Она делала все, что могла. В самом дальнем углу двора она заранее прорывала подкоп под фундамент и там, за камнями, в темноте, спрятавшись от людей, в тревоге и страхе укрывала свой выводок — пять или шесть щенков, беспомощных и слепых. Хозяин ее звал к себе, манил, ругал, совал в угол палку и кидал камушки, чтоб заставить ее выйти. Она все терпела молча, не подавая голоса. Мучаясь от жажды и голода, она сутки не выходила из своего убежища. Наконец в сумерках выползала, настороженно вслушиваясь и осматриваясь. Во дворе никого не было. Миска наполнена размоченным в воде пахучим хлебом. Она подбиралась к ней, тяжело дыша пересохшим ртом, с языком, распухшим и потрескавшимся от жажды. И тут на пороге появлялся хозяин, ласково подзывал ее к себе. Она опрометью кидалась назад, забивалась под фундамент и опять ложилась рядом со щенятами, подталкивая носом, собирала их поближе к себе и, чувствуя, как они копошатся, толкая ее слабыми лапками, опять молчала, не отзываясь.

Все это повторялось много раз, и неизбежно она все-таки снова появлялась около миски с водой и, не смотря на все увертки, умоляющий визг и угрожающее рычание, оказывалась в руках у хозяина, а затем привязанной на веревке. Она знала все, что будет дальше, и начинала изо всех сил рваться, готовая себя заду-

шить, кидаясь во все стороны, переворачиваясь через голову, когда веревка сбивала ее с ног. А хозяин в это время приносил знакомое грязное ведро, в котором плескалась вода, становился на четвереньки, кряхтя, тянулся длинной палкой и по одному выгребал щенков из их убежища. Он складывал их всех в ведро, и, пока он шел через двор, в ведре все время плескалась вода и оттуда шел звук какого-то слабого движения. Потом хозяин открывал калитку, уходил куда-то и, вернувшись через некоторое время с пустым ведром, надевал его вверх дном на колышек у крыльца. Так было каждый раз, и так все шло и теперь. Но то ли сила отчаяния собаки увеличилась, то ли веревка была старая — после безумного рывка, когда у нее потемнело в глазах от удущья, она вдруг почувствовала, что освободилась. Хозяин с ведром в руке открывал калитку в тот момент, когда собака в слепом отчаянии налетела и ударилась грудью в ведро. Ведро покатилося на землю, оттуда вылилась вода. Хозяин хотел схватить собаку за шиворот, но она увернулась, бросилась к щенкам, схватила зубами одного и кинулась бежать по улице. Отбежав немного, она положила щенка и кинулась, униженно и умоляюще повизгивая, к человеку. На этот раз ему едва не удалось ее схватить и захлопнуть калитку. Она снова примчалась к щенку, схватила его за шиворот, но снова бросила и опять стала царапаться в калитку, как вдруг, что-то поняв, вся взъерошенная от страха, опять схватила щенка и побежала по улице. Едва завидев идущих навстречу людей, она свернула в знакомую лазейку и потом долго со щенком в зубах пробиралась через кусты, которыми порос весь откос берега моря. В самой гуще кустарника она торопливо выкопала углубление и, лежа там, всю ночь с исступленной нежностью его облизывала, дрожала от страха и тихонько стонала.

Несколько раз она убегала в темноту — прислушаться около калитки — и стремглав неслась обратно к своему единственному спасенному, боясь, что и он пропал в ее отсутствие.

Она больше не вернулась домой. Ради сына она стала бродячей собакой-нищенкой, из тех, что выпрашивают около рыночных ларьков подаяние, добывают случайные кусочки отбросов около помоек или на свалке. Она сильно исхудала, а щенок подрастал и толстел, сосал молоко и спал, набираясь сил, в песчаной ямке среди густого колючего кустарника. Вокруг него повсюду торчали колючие ветки кустарника, и ему под ними было безопасно и просторно. С моря пахло водорослями, и оно постоянно шумело, иногда сильнее, иногда тише. Кругом был песок. С тех пор как у щенка открылись глаза, и немного позже, когда он научился видеть, его внимание всегда привлекал странный предмет, наполовину скрытый среди листьев. Длинная, изогнутая шея тянулась вверх. Днем иногда на ней зажигался яркий золотой блик солнца. Предмет был очень далеко. Шагах в двухстах, если считать на щенячьи шаги. Шагах в пяти, если считать на человечьи.

Однажды, оставшись один надолго, когда мать ушла на свой нищенский промысел, он ощутил такой прилив бодрости, что выполз из ямки и впервые, напрягшись изо всех сил, встал на все свои четыре лапки и двинулся вперед. На ходу его так пошатывало из стороны в сторону, что он был похож на маленького толстого пьянчужку на кривых лапках. Он изо всех сил старался шагать как следует. Передние лапы бодро маршировали, высоко поднимаясь, точно он собирался ими барабанить, а вот задние, те тянулись как-то сами по себе, все время отставая, до тех пор пока он не растягивался на пузе. Но он каждый раз прямо

поднимался снова и опять шел и шел, пока не наткнулся на предмет, блестящий на солнце. Ничего не понимая, он ткнулся в него носом и попробовал пососать, но из этого ничего не получилось. Перед ним была большая круглая дыра, изогнутая шея. Все твердое, гладкое. Это был старый медный кофейник без дна, выброшенный на свалку. Щенок влез до половины в круглое отверстие. Впереди светило другое отверстие, но стенки все сужались. Он попробовал протиснуться вперед, но только застрял и вдруг испугался. Он совсем позабыл, как надо пятиться, и захныкал, барахтаясь в кофейнике. Кое-как вывалившись обратно на свет, он торопливо засовался рыльцем во все стороны и тут понял, что позабыл дорогу обратно, погиб, пропал безвозвратно, сию минуту умрет от голода — все разом, — и расплакался во весь голос.

Он шел, падал, вставал, поворачивал в разные стороны, не переставая рыдать, безутешно захлебываясь от страха и отчаяния. Под ним образовалась лужица, он разучился смотреть, ходить, соображать, зато голос у него становился все громче и пронзительней, все силы уходили в голос. Вдруг он почувствовал мягкий толчок под бок, услышал тяжелое дыхание матери, примчавшейся откуда-то издалека. Большой язык облизал разом всю его маленькую морду. Ее зубы мягко и крепко сжались, ухватив за мягкую складку на шее, и он повис в воздухе, разом замолчал. Страх как не бывало. Он не очень-то любил, когда мать таскала его за шиворот, но сейчас даже не пикнул. Растопырив лапки, не шевелясь, он поехал, беспомощно покачиваясь в зубах матери, успокоенный и счастливый, обратно в родную ямку...

В другой раз он ушел гораздо дальше и опасно обошел кофейник. Прошел мимо ржавых жестянок от

консервов, мимо старого башмака с загнутым кверху носом и вдруг увидел что-то пестрое, большое на костлявых ногах, что стояло перед ним, вытягивая длинную шею, уставилось на него в упор круглым глазом. Он сразу вспомнил случай с кофейником. «Ну, на этот раз ты внутрь меня не заманишь, еще опять застрянешь», — подумал щенок и начал потихоньку пятиться. Костлявые ноги двинулись, шея вытянулась, и чудище его клюнуло. Тогда его охватила ярость, и он впервые в жизни зарычал и залаял тонким голоском, неуклюже припадая на передние лапы. Петух, возмущенно бормоча, повернулся и с надменным видом отошел порывистыми шагами. Всю ночь после этого происшествия щенок вздрагивал во сне, и ему снились петухи и кофейники. То кофейник, угрожающе вытягивая длинную шею, готовился его клюнуть, то сам он застревал в петухе и никак не мог выбраться обратно.

Утром он проснулся от холода. Матери рядом с ним не было. Он был один в мокрой от росы ямке. Он сел, опираясь на передние лапки, задирая кверху свою маленькую морду, заскулил, а потом стал подвывать, поворачиваясь во все четыре стороны, чтоб услышала мать. Все было напрасно, мать не появлялась. Тогда он замолчал и долго уныло сидел, тупо глядя перед собой, не зная, что же ему теперь делать. Родная ямка без матери потеряла для него всю прелесть. Он выкарабкался из нее и, спотыкаясь, побрел куда глаза глядят. Привычный шум моря становился все ближе. Кустарник кончился, и щенок увидел большое, открытое пространство, усыпанное желтым песком. Впереди что-то большое двигалось, переливалось и сверкало на солнце. Это было море. Он подошел поближе и вдруг почувствовал на себе холодные брызги. Белая пена набежала, окружила его со всех сторон и зашипела. Он не очень

испугался, угрожающе сморщил нос и изо всех сил ударил лапой по самому большому пузырю, но это мало помогло — новые пузыри вздувались и шипели вокруг него, и его еще раз обдало брызгами. Он невольно попытлся, неуклюже стараясь обтереть морду лапками.

Дети, играющие на берегу, его заметили, подняли на руки и наперебой стали тискать, гладить и называть ласковыми именами. Щенков именно в таком возрасте люди охотно рисуют на конфетных коробках и изображают на открытках. Толстенький, с короткими ножками, больше похожий на какого-нибудь маленького барсучка или хомячка, чем на собаку, он помещался весь на двух детских ладонях. Ребятишкам это очень нравилось. Щенку люди тоже понравились. С ними он не чувствовал себя одиноким, а когда все стали его наперебой звать к себе, угощать кусочками чего-то вкусного — понравились ему еще больше. Стоило ему твякнуть или далеко высунуть язык — все смеялись и восхищались. Когда его подносили к воде, поддерживая на руках, он начинал болтать лапками, и все опять восхищались, как он здорово «плавает». После первой встречи с ребятишками он стал поджидать их на берегу каждый день. Они вместе влезали в воду, играли, ели. На руках его таскали так много, что ему даже надоедало, и он начинал капризничать. Ему очень льстило общее внимание, потому что маленькие собачки очень чувствительны к лести (почти так же, как маленькие человечки). Они также любят, чтобы их гладили, ласкали, расхваливали и баловали, чтоб им всеми способами внушали, что они самые интересные, умные, необыкновенные и красивые собачки (или человечки) на всем белом свете.

К вечеру дети разбегались по домам и щенок остался один на пустынном берегу. Беспорядочная россыпь

городских огней мерцала вдалеке, на склоне горы. А около самого берега моря грохотали освещенные яркими лампами краны, разгружая пароходы. За заборами рыбацких домиков, перекликаясь, лаяли собаки, и щенок с интересом вслушивался, наострив уши, стараясь понять, о чем там у них идет разговор. Однажды в сумерках он услышал за забором голос, который сразу узнал. Лаяла в своем дворике его мать, привязанная у крыльца в наказание за свой побег. Щенок обрадовался, призывно тявкнул несколько раз как мог громче, и мать его услышала, примолкла и сейчас же нетерпеливо и ласково заскулила в ответ. Щенок помчался вокруг ограды, ища какую-нибудь лазейку. Но везде перед ним была толстая глиняная стена. В одном месте голос матери слышался совсем рядом. Щенок, которого никто этому не учил, стал изо всех сил подкапываться под забор. Мать услышала, как он торопливо работает лапами, и тоже принялась рыть лазейку ему навстречу, изредка тихонько повизгивая, чтоб его подбодрить. Хотя в песке копать было легко, щенок скоро выбился из сил и, тяжело дыша, вылез из норки, которую успел прорыть, и стал жаловаться. Мать ему не отвечала и продолжала копать. Тогда он тоже собрался с силами и молча стал рыть дальше. Перед рассветом мать перестала копать — ее не пускала дальше веревка, как она ее ни натягивала. Она втиснулась в выкопанный ею проход и лежала, шумно втягивая воздух и слушая. Щенок уже едва шевелился от усталости. Он тоже просунул носом как можно дальше, и, хотя они так и не увиделись, они почувствовали друг друга. Было так приятно услышать запах материнского дыхания, знакомый ему еще с той поры, когда она облизывала его мордочку или перетаскивала с места на место за шиворот, дышала на него во сне,

когда он спал, пригревшись у нее под боком. Они подышали друг на друга и поскулили, радуясь и тоскуя, что не могут подойти поближе. Потом во двор вышел хозяин и стал ругать собаку за то, что она подкапывает забор, и завалил лазейку камнем. Испуганный щенок задом выполз из своего подземного хода и убежал. Это была его последняя встреча с матерью.

Свободные от вахты матросы советского торгового корабля «Кама», зашедшего в иностранный порт, целый день бродили по узким переулкам старого восточного города. Вернувшись домой на корабль, потому что в иноземном порту корабль был как нигде им домом, кусочком родной земли, разомлевшие от жары и ходьбы по рыночным площадям, где торговали вразнос водой и пыль от верблюжьих копыт оседала на лотках с липкими восточными сладостями, они показывали друг другу дешевые сувениры: легкие, как паутина, яркие платочки, металлические брошки, украшенные путаными арабскими узорами, и игрушечные кривые кинжальчики в ножнах. В это время подошел матрос Мартьянов. Он вытащил из-за пазухи и, нагнувшись, поставил на палубу рыжего щенка. Тот сделал несколько неуверенных шагов и сел, подняв морду, оглядывая окруживших его людей.

— Что-то порода какая-то невиданная? — неуверенно спросил кто-то из команды.

— Порода настоящая морская. Знаешь, где мы его подобрали? В воде. Не боится ни черта, прямо по воде шлепает. А голодный, как сатана.

Из камбуза принесли мисочку с борщом и начали туда крошить белый хлеб. Собачонка набросилась на еду, ела капусту, булку, а когда мисочку хотели отодвинуть, зарычала, угрожающе наморщив нос. Тогда кругом заговорили: «О-о, кажись, серьезная собачина!»

Псенок наелся борща, огляделся, подошел к коку и потянул за шнурок его ботинка.

— Ты что же это делаешь, черт лопоухий! — с ожесточением закричал кок, не отодвигая ноги, польщенный, что щенок выбрал именно его ботинок. Шнурок развязался, и собачонка под общий смех стала его тащить к себе, дергать и рычать... Когда через час вспомнили, что надо решить судьбу щенка, вопрос как-то сам собой решился. Всем показалась дикой мысль, что щенка, который уже поел, развязал три пары шнурков и побывал у многих на руках, можно взять да и выгнать с корабля. Только боцман, проходя мимо, отворачивался, делая вид, что ничего не замечает. Рано утром на палубе затоптали бегущие ноги матросов, загрохотала лебедка. И заговорил спокойный голос капитана, точно чудом возникавший по радио то на корме, то на носу, в то время как сам капитан стоял не двигаясь на мостике. С берега отдали концы, и корабль самым малым ходом стал отчаливать от каменной стены пирса, и тут из какого-то закоулка, позевывая и помахивая задранным вверх хвостиком, вылез щенок. Белые кубики домов южного города и бетонный пирс уплывали назад, и все шире делалась полоса грязной портовой воды с апельсиновыми и банановыми корками, плавающими в радужных пятнах нефти. Капитан спустился по трапу с мостика и подождал боцмана, который поднимался с нижней палубы к нему навстречу.

— Оказывается, псенка ребята достали, товарищ капитан, вон он гуляет, — неопределенно заметил боцман.

— Это я вижу, — сказал капитан.

— Это они заместо Клотика, — пояснил боцман. Клотик был прежний корабельный пес, плававший на «Каме», отличавшийся глупостью, легкомыслием и любовью к рассеянному образу жизни, за что и поплатился,

отбившись от своих на берегу в далеком иноземном порту.

— Главное, не сперли они его случайно где-нибудь?

— Ни в коем случае! — горячо заверил боцман. — На пустом берегу подобрали. Ребята говорят, по мелководью прогуливался, пузыри зубами ловил. Удивительное дело, соленой воды ни в коем случае не боится.

— Морской пес? — улыбнулся капитан.

— Точно. Ребята его уже прозвали Соленый.

Так у него появилось имя: Соленый. Он быстро стал осваивать премудрость корабельной жизни. Матросов было много, человек сорок, но через несколько месяцев плавания он безошибочно отличал «своего» матроса от чужих людей на берегу, когда матросы брали его с собой на прогулку. Он привык к качке в открытом море. Узнал все закоулки на корабле, которые могут интересовать собаку. Так, он знал дверь в машинное отделение, но дальше никогда не шел, потому что туда вел крутой трап, оттуда пахло железом и что-то неприятно шумело. Он узнал, что в камбуз заходить воспрещается, но любил, добравшись до второй палубы, куда выходил стеклянный, почти всегда открытый люк из камбуза, заглядывать вниз, в глубокий провал, где на дне шипели кастрюли на плите и кок в белом колпаке орудовал большими ложками с длинными ручками. Когда кок поднимал голову, он часто видел свесившуюся сверху морду и принюхивающийся нос и грозил ему поварешкой. Его редко гладили и брали на руки, с ним обращались по-товарищески: кормили, помогали, разговаривали, дружески трепали за уши, мыли под душем раз в неделю и расчесывали гребешком. Он расхаживал во время качки, как матрос, вразвалку, то взбираясь на гору наклонившейся палубы, то осторожно

спускаясь под гору. А если палубу начинало захлестывать волнами, он благоразумно уходил в коридор и из-за высокого порога поглядывал на то, что творится снаружи. Через полгода он был уже дисциплинированным, толковым корабельным псом, безошибочно различавшим, когда люди на работе и когда отдыхают. Во время авралов он мгновенно удирал в безопасное место, чтобы ему не отдавили лапу или не задело каким-нибудь бегущим по палубе тросом, цепью или проносщимся по воздуху тюком.

Матросы любили его, одни больше, другие меньше, но все считали его своим. И он любил одних больше, других меньше, но со всеми был приветлив, потому что считал их всех «своими», начиная от сурового кока и официантки, которая его кормила, до боцмана и матроса Мартьянова, который подобрал его на берегу и мыл под душем. Когда корабль покачивало, а палуба после уборки была залита водой, щенок ждал, пока корабль накренится на борт. Тогда вода сливалась на одну сторону и, задержанная закраиной борта, превращалась в большую лужу, из которой можно было удобно полакать. Пароход отваливался на другой борт, а Соленый стоял, не отрывая глаз от желоба, и ждал, когда вода опять вернется обратно. Матросы восхищались его сообразительностью и говорили, что Клотик никогда бы до этого не додумался...

Главное неудобство жизни собаки на корабле — это крутые, почти вертикальные железные трапы. То, что было ниже палубы, Соленого и не интересовало, но на открытую верхнюю палубу ему часто хотелось попасть, а туда вел крутой трап, по которому матросы взлетали бегом, но собаке было никак не вскарабкаться. Но вскоре все наладилось. Когда Соленому было нужно, он подбегал к трапу и останавливался, поджидая. И первый же

проходивший мимо матрос подхватывал его одной рукой и, взбежав по трапу, пускал на верхнюю палубу. Таким же образом он путешествовал и вниз. Даже когда он был еще совсем маленький, он никогда не оставался без дела. Если люди спокойно сидели и разговаривали, он потихоньку к ним подбирался и старался развязать шнурки. Иногда после дружеской беседы сразу двое или трое матросов обнаруживали, что у всех шнурки развязаны, а у кого-нибудь обмусолен и обкушен кончик. Поднимался крик, хохот. Это всех очень развлекало и приписывалось необыкновенной хитрости и уму Соленого.

К обеду чаще всего бывал компот, и щенку отдавали изюм или чернослив. И тогда он начинал охотиться за изюминкой. Перекатывал ее лапой, хватал в рот, мотая головой, ронял, делал вид, что она вырвалась, и начинал с рычанием за ней гоняться, потом залезал на диван и, свесившись оттуда, долго и хищно ее подстерегал, а уж затем бросался на нее сверху и съедал с видом победителя. Первое время, когда он еще не умел вовремя уступать дорогу, бывало, что ему кто-нибудь отдавливал лапу. Он поднимал страшный крик и убегал, но, немножко успокоившись, возвращался обратно на трех ногах и протягивал виновнику больную лапу, чтоб тот его пожалел.

Когда он немножко подрос, он упорно стал учиться ходить по лестнице. Это было очень трудно. Надо было становиться на задние лапы, опершись передними на ступеньку, и долго задирать одну заднюю, которая никак не доставала до ступеньки. А когда он научился наконец влезать на несколько ступенек, он подолгу сидел там, не зная, что дальше делать, потому что спускаться было во сто раз труднее. Нужно было осторожно сползать на животе, тянуться передними лапами,

СОДЕРЖАНИЕ

Федор Кнорре

Соленый пес 5

Лев Коконин

Стая 42

Борис Рябинин

Нигер 137

Яранг — Золотой Зуб 185

Літературно-художнє видання

Серія «Вірні, відважні, вільні»

КНОРРЕ Федір, КОКОНІН Лев, РЯБІНІН Борис

Солоний пес

Збірка

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Координатор проекту *Т. М. Куксова*
Відповідальний за випуск *М. І. Коміна*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *А. Г. Верьовкін*
Коректор *О. С. Калмикова*

Підписано до друку 04.08.2016. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Adonis». Ум. друк. арк. 18,48. Наклад 23 400 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а, Е-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»
61012, м. Харків, вул. Різдва, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

Серия «Верные, отважные, свободные»

КНОРРЕ Федор, КОКОНИН Лев, РЯБИНИН Борис

Солёный пес

Сборник

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Координатор проекта *Т. Н. Куксова*
Ответственный за выпуск *М. И. Комина*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *А. Г. Веревкин*
Корректор *О. С. Калмыкова*

Подписано в печать 04.08.2016. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Adonis». Усл. печ. л. 18,48. Тираж 23 400 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а, Е-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»
61012, г. Харьков, ул. Рождественская, 11
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов, художников, переводчиков и редакторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

Коли заблудна двірна псиця оценилася, суворий господар вирішив позбутися її і приплоду. Але дивом маленькому рудому щуценяті вдалося вціліти. Крихітний песик одинцем подужав перепливити затоку й опинився у великому місті. Щоб вижити, він пішов за першою людиною, яка лагідно заговорила до нього... («Солоний пес»)

До видання також увійшли повісті Льва Коконіна («Згряя») і Бориса Рябиніна («Нігер», «Яранг — Золотий Зуб»).

Соленый пес : сборник / Федор Кнорре, Лев Коконин, Борис С60 Рябинин ; худож. М. Майофис. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2016. — 352 с. : ил. — (Серия «Верные, отважные, свободные», ISBN 978-966-14-9367-3 (Украина))

ISBN 978-617-12-1439-2 (Украина)

ISBN 978-5-9910-3670-2 (Россия)

Когда прилудная дворянка оценилась, суровый хозяин решил избавиться от нее и от потомства. Но чудом маленькому рыжему щенку удалось уцелеть. Крохотный песик в одиночку преодолел залив и оказался в большом городе. Чтобы выжить, он пошел за первым человеком, который ласково обратился к нему... («Соленый пес»)

В издание также вошли повести Льва Коконина («Стая») и Бориса Рябинина («Нігер», «Яранг — Золотой Зуб»).

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос)